

ЛЕНА
ГУЛИНОВА

СЕРДЦЕ
ТАНЦУЮЩЕГО ДОМА

Лена Тулинова

Сердце танцующего дома

«Автор»

2026

Тулинова Л.

Сердце танцующего дома / Л. Тулинова — «Автор», 2026

Оставшись незрячей после перенесённой в раннем детстве болезни, Беттани росла капризной и беспомощной барышней. Но вот девушке пришлось принять наследство прапрабабушки: дом с привидением и волшебными дверями, через которые приходят разные маги. А ещё, говорят, дом способен выполнить самое заветное желание... И условие небольшое: найти ключ от сердца этого дома. Только как у Беттани получится справиться с таким делом? Но однажды в волшебные двери постучится судьба в лице обаятельного учителя, а магические пути сдвинутся, открывая новые возможности для чародеев, и всё изменится. В том числе и Беттани.

© Тулинова Л., 2026

© Автор, 2026

Лена Тулинова

Сердце танцующего дома

ГЛАВА 1. Беттани просыпается

Беттани проснулась на рассвете и услышала, как где-то в саду спорят отец и мачеха. Голоса были не злые, Гленна Май вообще редко когда всерьёз на кого-нибудь злилась, а отец пока держал себя в руках. Он, разумеется, мог быть несдержан, но Гленна как-то умела с ним управляться.

Беттани подошла поближе к приоткрытому окну. Восхитительное утро в конце последнего месяца весны, тёплое и немного сырое, благоухало пионами и чуть более деликатными ирисами, и не утомившийся с ночи соловей распевал где-то в черешнях и сливах.

Девушка старалась не дышать, хотя, разумеется, если она слышала разговор и ни шелест листьев, ни пение птиц его не заглушали – то никому не помешало бы и дыхание.

– Боюсь, что ничего не выйдет, – расстроено говорил отец. – Да и вообще... я просто боюсь. Девочке такое не по силам. Если уж у Имании не вышло...

– Девочке надо крепче стоять на своих двоих, – доказывала мачеха. – Если с ней цацкаться до самой твоей и моей смерти, то что с будет потом? Даже Ренай уже готов жить один, а ему только шестнадцать. Беттани же двадцать один, и я не видела человека беспомощней.

Это было обидно и несправедливо. Беттани почувствовала, что в носу зашипало, а на глаза набежали слёзы. Разве она виновата в том, что такая?! Разве кто-то мог быть виноват в болезни, постигшей в раннем детстве и лишившей его зрения, как это случилось с ней?

– Няня! – крикнула девушка сердито, чтобы скрыть обиду и огорчение от подслушанного. – Одеваться!

Поскольку мачеха сейчас была далеко и не могла слышать призыв, то можно было не опасаться, что её снова заставят одеваться самостоятельно. Беттани точно знала: даже если наденешь то, что висит в шкафу, нарочно приготовленное так, чтобы можно было надеть всё по порядку, это не убережёт от ошибок. Ренай, конечно, будет хмыкать, если Беттани неправильно застегнёт крючки и пуговицы, а отец примется упрекать няню. И только мачеха промолчит, но уж так она промолчит, что мороз по коже.

Гленна Май была злой мачехой, как в сказках. Она терпеть не могла Беттани. Да что там, она и своих детей не слишком любила! Иначе как объяснить, что эта женщина стремилась как можно скорее от них избавиться? Старшая дочь Гленны Имания уехала учиться в большой город, как только достигла совершеннолетия, а потом так там и осталась. Средняя – Мия – вышла замуж в восемнадцать лет, в прошлом году. Оставался лишь младший сын Ренай – по мнению Беттани, глуповатый и вредный подросток. Вот ему всё сходило с рук, мачеха его обожала и разрешала и у друга по два-три дня жить, и спать в саду – а весной ночи ещё бывают холодными! – и на охоту с отцом ходить.

А Беттани Гленна считала неженкой и вечно нагружала какой-то работой, невзирая ни на то, что у них были слуги, ни на то, что девушка ничего не видела. Учила застилать постель, собирать в саду душистые травы на зиму, даже зашивать дырочки на одежде, хотя всё это у Беттани получалось крайне плохо!

Потому она и воспользовалась случаем, чтобы позвать нянюшку – та Беттани обожала и всегда была готова сделать для любимицы всё, что угодно.

Но сегодня няня не явилась, а на зов Беттани в спальню заглянула горничная Энора.

– Хозяйка велела, чтобы вы одевались сами, барышня, – безжалостно заявила она. – Завтрак уже скоро, так что побыстрее.

Энора была ужасно невоспитанная, и девушка даже не решилась её попросить помочь со шнурками на башмаках и пуговицами на утреннем платье. Мачеха всегда велела шить для

Беттани платья, которые застегиваются спереди, но это ей подарила родственница, и пуговицы там были на спинке. Пришлось возиться самой! Горничная тем временем сновала по комнате. Беттани слышала, как Энора занимается несложными каждодневными делами: наливает в кувшин свежую воду, меняет наволочки и простыни, вытирает пыль.

– Я хорошо выгляжу? – спросила девушка, кое-как пригладив волосы щёткой.

– Ну, – произнесла горничная задумчиво, – как обычно выглядите. Только...

Чужие руки довольно сильно дёрнули пучок волос на затылке, поправили, воткнули несколько шпилек, оцарапав кожу. Туговато, но Беттани не стала просить ослабить причёску, как-нибудь потерпит. Зато волосы хоть не торчат во все стороны – этот упрек девушка часто слышала от окружающих. Затем Энора поколдовала сзади с застёжкой воротничка и сказала:

– Теперь всё в порядке. Идите, барышня.

– А няня...

– Няне дали выходной, – ответила горничная, – должны же у людей выходные-то быть, барышня! Вы и так уже её от себя не отпускаете, вздохнуть свободно не даёте.

Беттани помрачнела. Свободно вздохнуть! Разве няне не в радость помогать ей, своей любимице?

– Я не думала, что это так важно, – призналась она. – Неужели няня устаёт?

Энора только вздохнула.

– Вы, барышня, живёте, как куколка в своём домике. Ну хоть иногда и думайте, пожалуйста, что мы-то здесь вовсе не куклы и не нарядные девчушки, которые в них играют. Простите уж за откровенность. Но ведь вам и не пять лет! Няня ваша месяц без выходных была, а у неё ведь есть и дом, и семья.

– Но она живёт с нами в этом доме, – возразила Беттани... и снова услышала вздох.

– Мы тут остаёмся, если надо. Но, по-честному, барышня, кроме вас тут никто не нуждается в круглосуточном уходе. Только ваша нянюшка тут и живёт, комната у неё. Да и то, вы вот мне правду скажите: нужна она вам? Неужели до старости так сами и не сможете ничего делать сами?

Сегодня все, видимо, решили устроить Беттани неприятные откровения. И отец с Гленной, и няня, и даже горничная! От обиды девушка почувствовала, что ей стало трудно дышать, глаза повлажнели.

– Проводить вас к завтраку? – видимо, заметив, что барышня не двигается с места, снисходительно спросила Энора.

– Я сама, – буркнула Беттани и поспешила выйти.

Но, если ничего не видишь, спешить лучше не стоит! Даже когда точно знаешь весь дом, всё равно есть вероятность, что куда-нибудь врежешься. Так и произошло: Энора не до конца закрыла дверь, и Беттани ушибла пальцы на ноге. Мягкие башмачки на невысокой шнуровке смягчили удар, но всё равно было больно.

С сегодняшнего дня Беттани твёрдо решила, что будет более самостоятельной. Но этой твёрдости хватило примерно до столовой, где уже собрались домочадцы: отец, Ренай и мачеха. Пахло кишем с курицей, рулетиками из омлета с ветчиной и сыром, сливочными пирожными... Но, когда Беттани села и потянулась за чем-нибудь наугад, то её пальцы коснулись глубокой миски с яблочными пирожками. И девушка, которая недолюбливала яблоки в любом виде, кроме свежего, недовольно проворчала:

– Опять яблочный джем... Подайте кто-нибудь киш с курицей. Пожалуйста!

– Тарелка с сэндвичами от тебя недалеко, найди сама, – предложила мачеха непререкаемым тоном.

– Ма, она опять всё перелапает своими ручищами, – тут же встрял невыносимый Ренай.

– Почему бы просто не подать ей то, что она хочет?

– Потому что она должна сама, – сказала Гленна.

Беттани нашарила блюдо, стараясь не задевать пальцами еду, и взяла себе киш. Есть уже не так уж и хотелось – ну что за показательные выступления устраивает мачеха при всех? Кофе ей, по счастью, придвинули без лишних разговоров – и хорошо, ещё не хватало обжечься! Конечно, Беттани была не такой уж и беспомощной и умела аккуратно пить кофе, но вот наливать его ощущую всё-таки не очень просто.

– Беттани, я хочу поговорить с тобой. После завтрака, – сказала Гленна таким голосом, что девушку бросило в дрожь. – Не бойся, разговор, хоть и серьёзный, но не неприятный.

Беттани слышала, как отец порывается что-то сказать – он уже пару раз набирал в лёгкие воздуха. Но, видимо, мачеха останавливала его жестом. Слышался только тихий шорох одежды, а по нему не читались движения.

– Если это не секрет, то говорите при всех, матушка, – сказала девушка дрожащим голосом.

– Не то чтобы секрет – скорее семейное дело. Однако сперва мне бы хотелось переговорить именно наедине. Уоррен, ты же проследишь, чтобы нам никто не помешал?

– Не собирался я подслушивать, – тут же сказал Ренай таким лживым голосом, что Беттани поняла: именно это он и планировал делать.

ГЛАВА 2. Беттани получает предложение, на которое трудно согласиться

Мачеха шла впереди, совершенно не заботясь о том, успевает ли за ней падчерица. Беттани успевала, но она терпеть не могла ходить быстро, и поэтому негодовала на Гленну. Ну почему ей невдомёк, что кому-то, может быть, непросто перемещаться по коридорам большого дома?! Уже после второго поворота Беттани перестала слышать шуршание платья и стук шагов по половицам. И только скрип входной двери стал её ориентиром. Мачеха вышла во двор, вот почему шаги перестали слышаться! Беттани хуже ориентировалась снаружи, но всё же это был родной двор и родной сад, поэтому она довольно скоро добралась до скамейки под розовым деревом. Это дерево было удивительным – весь год оно пахло розами и шелестело узкими листочками, приятными на ощупь. Такими твёрдыми, и в то же время бархатистыми! Дерево зацветало в начале лета и цвело потом до холодов. Сейчас над скамейкой склонились униженные тяжёлыми бутонами ветви: Беттани, садясь, их задела и не удержалась – потрогала. Она знала, что розовое дерево распахивает венчики цветов, по форме напоминающих шиповник, и искала уже распутившиеся. Но нет, было ещё рановато.

Жаль, ей нравилось касаться тугих лепестков и вдыхать нежный и в то же время сильный аромат!

– Беттани, – сказала мачеха и взяла девушку за руку. – Я хочу предложить тебе кое-что.

– Я слышала, как вы до завтрака разговаривали с отцом, – сказала Беттани.

– Не учла твой замечательный слух, – тут же довольно язвительно заметила Гленна. – Ну хорошо... А ты поняла, о чём речь?

– Нет, матушка, не очень.

– Давай я тебе расскажу, – вздохнула Гленна. – До того, как я вышла за Уоррена Мая, я принадлежала к семье Лунов. Ты знаешь, кто такие Луны?

– Это... колдуны, – с трудом ответила Беттани.

Магия её страшила. И хотя мачеха, кажется, никогда не колдовала дома, всё равно не стоило ей напоминать о прошлом, в котором она занималась магией.

– Скорее, это хранители, – заметила мачеха, – даже смотрители. Женщины нашего семейства особенные. Но должна заметить, Бет, что ты тоже особенная.

– Да? Вы заметили? – не удержалась от колкости Беттани.

– Дело не в том, что ты ослепла после болезни, – сказала Гленна. – Вернее, не только в этом. Дело в том, что твоя мама тоже происходит из рода Лун. Её девичья фамилия Амарт,

однако у нас с ней общие корни. Наша прапрабабушка... Ты когда-нибудь слышала о том, что у неё был дом с волшебными дверями?

– Танцующий дом? – спросила Беттани.

– О, он уже давно не танцует...

– Я слышала, что Имания не выдержала там и двух месяцев, – сказала Беттани, – потому что это очень страшно.

И сама вздрогнула. Как это она не догадалась, что утренняя подслушанная беседа – именно об этом происшествии? О том, что Имания не сумела унаследовать этот ужасный танцующий дом с волшебными дверями. И теперь мачеха что же... хочет спроводить туда нелюбимую падчерицу?

– Это не страшно, – сказала Гленна, но её голос дрогнул. – Я подумала, что это занятие будет как раз для тебя. Давай я расскажу?

Беттани захотелось сделаться маленькой, она даже почувствовала, что у неё всё тело становится очень напряжённым, будто желая съжаться до размеров тела пятилетнего ребёнка. Из последних сил она сопротивлялась оцепенению, и, чтобы хоть как-то избавиться от этого, спросила наименее, по её мнению, страшное:

– Почему вы думаете, что это для меня, матушка?

– Есть две причины – помимо дальнего родства по крови, – начала мачеха, взяв Беттани за руку. – Первая – тебе пора обрести самостоятельность. Это не означает навсегда расстаться с семьёй и отцом, ты всегда можешь прийти в наш дом, но... Ты знаешь мои убеждения: взрослые дети должны со всем справляться сами. Рано или поздно нас не станет, и мне больно думать, что, когда это произойдет, кто-нибудь из вас останется на свете совершенно беспомощным. С тобой сложнее: у тебя нет родных братьев и сестёр, а неродные помогать не обязаны. Разве что Ренай, но он...

Беттани выдернула руку из прохладных пальцев Гленны. В девушке кипел целый суп из эмоций! Она до глубины души была возмущена словами, ей было больно, страшно, горько, всё сразу. Как эта холодная и чёрствая женщина вообще может говорить такие ужасные слова? Неужели ей непонятно, что Беттани больно слышать, что она останется одна, без отца, и знать, что ни Имания, ни Мия, ни Ренай не помогут... И неужели мачеха за те семнадцать лет замужества за Уорреном не уразумела: Беттани не притворяется слепой и хрупкой, ей сложно жить, больно жить, она не такая, как все?!

– Вы не помните, матушка, что я ничего не вижу, да? Или так издеваетесь? Хотите выгнать меня, чтобы избавиться от лишнего рта?!

– Я знаю, что ты меня не любишь, хоть я и приложила некоторые усилия, чтобы у нас были тёплые и добрые отношения, – сказала мачеха всё тем же противным ровным тоном. – Я всё понимаю. Мне никогда не хотелось стоять между тобой и твоей мамой, и я не запрещала Уоррену возвышать её и рассказывать тебе о ней так, словно она жива и просто вышла в другую комнату. Но послушай, Беттани, никогда я не считала тебя лишним ртом. А дом, как мне кажется, был бы отличным наследием для тебя. А возможно, ещё и для твоих, я надеюсь, детей и внуков, раз уж мне не суждено оставить своим дочерям должность смотрителя. Ты не хочешь услышать вторую причину?

– Нет, – сказала Беттани. – Я хочу уйти в свою комнату.

– Бет, в своей комнате не просидеть всю жизнь! – повысила голос Гленна. – Я хочу до тебя достучаться, девочка, и видят боги – это сложно! Мир вокруг богат на происшествия, велик, прекрасен, несмотря на то, что в нём происходят и ужасные вещи. И дом, который раньше, говорят, мог танцевать и даже ходить по всему свету, был бы прекрасным шансом для тебя, шансом увидеть...

Она осеклась. Беттани внутренне возликовала, что поймала мачеху на такой ужасной ошибке: сказать падчерице слова, которые нельзя говорить. Наконец-то!

– Увидеть! – горько засмеялась девушка. – Вы сказали «увидеть», матушка!

– Беттани...

Девушка встала и быстро зашагала назад к дому. Знакомая дорожка привела её к крыльцу, и мачеха догнала уже у самой двери.

– И всё-таки я тебе скажу, – сказала она, положив руку поверх пальцев Беттани, уже сжавших ручку двери. – Я тебе скажу. Это дом с волшебными дверями. Через них в него входят и выходят самые разные люди... и не совсем люди. По большей части волшебники. Дом хранит свою смотрительницу, и маги не могут причинить ему вред, но сами по себе это люди не мирные, могут и подраться между собой... Обычно смотрительница только открывает и закрывает дверь, встречает и провожает путников, но иногда она может предупредить путников, если чувствует что-то тревожное. Тут уж просто чувства годятся – интуиция, что ли... Нечто толкает тебя под сердце, и ты понимаешь: этого человека ждёт беда. Иногда странники остаются на несколько дней, иногда уходят сразу...

Беттани быстро успокоилась, как ребёнок, которому рассказывают интересную сказку. Что-то толкнуло её под сердце – в точности так, как говорила сейчас Гленна. Какое-то странное чувство, что вот она – судьба и вот оно – какое-то дело, которое и она, незрячая, может делать и гордиться им.

– Продолжайте, матушка.

– И есть кое-что ещё, Бетти. Если у смотрительницы неладно на душе, если с нею что-то не так... Или, может быть, что-то не так с путниками... То все видят смотрительницу страшным, пугающим существом. Она кажется магам чудовищем. Имания не выдержала именно этого, ведь она очень заботится о своей красоте. Смотрительница точно знает, что она на самом деле всё такая же – что она человек, а не чудовище, она видит в зеркале себя настоящую, но... Когда все шарахаются от тебя и избегают смотреть, то это тяжело воспринимать. Я думаю, что тебе это далось бы легче.

Беттани кивнула.

– Понятно, – сказала она. – Я могу пойти подумать, матушка?

Гленна отпустила ручку двери.

– Конечно, Бетти, – ответила, чуть запнувшись на имени падчерицы. – Прапрабабушка просила передать той, кто согласится и выполнит все условия, что её ждут дом и приданое в наследство. Она обычно против того, чтобы смотрительницы выходили замуж, даже установила такое правило – но теперь уже вроде как готова пересмотреть свои убеждения. Не знаю, она сложный человек... то есть теперь уже призрак. Но всё-таки с ней можно найти общий язык.

Беттани поёжилась и, войдя в дом, медленно побрела к себе.

Дом... Дом, который при должном умении может обратиться в ходячую и даже танцующую ловушку. Дом – проходной двор, через который туда-сюда снуют всяческие тёмные личности. Дом, где живёт призрак старухи, которую даже её родные называют вредной и сложной.

И ещё это дом, посетители которого могут увидеть тебя не самой обычной девушкой, а страшным чудовищем.

Кто-нибудь в здравом уме согласится стать смотрительницей и хозяйкой такого дома? И тем более – выйти замуж и остаться, может, даже родить там детей... Чтобы они тоже однажды ушли через эти волшебные двери, потому что это интересно? Чтобы они каждый день видели путников, которые идут, идут куда-то...

И это уже навсегда!

Беттани это пугало. До дрожи и до обморока. И нет, ей не хотелось быть взрослее, самостоятельнее и что там ещё говорила мачеха в своих наставлениях. Она даже уже и жениха никакого не желала, не то что детей... Хотелось просто зарыться с головой под подушку и одеяло и лежать так до самого обеда.

ГЛАВА 3. Спор на желание

К обеду, однако, девушка выбралась из своей норы, вытирая слёзы с лица, и села за стол прямая, словно палка. Рядом не было отца – он с утра отправился в город по какому-то финансовому вопросу, зато явилась Имания. Она, видимо, только что приехала, потому что пахла вокзалом и паровозами, и немного лошадыми – видимо, добиралась от станции с попутчиками на повозке. Имания была настолько самостоятельной, что не нуждалась в сопровождении, скажем, мужа или слуг, и предпочитала путешествовать налегке. Обычно во время поездки накапливались какие-нибудь забавные случаи, о которых сводная сестра весело рассказывала за трапезой.

Но сегодня Имания отчего-то помалкивала. И мачеха не была разговорчива. За столом царило напряжение, прерываемое разве что просьбами передать воду, соль или салат. Как всегда, Гленна старалась, чтобы все делали всё сами. Даже горничной сегодня рядом не было: Беттани слышала, как Гленна её отпустила из столовой. Уоррен всегда настаивал, чтобы за столом им прислуживали как полагается, но Гленна его не поддерживала. Она соглашалась с тем, что такой большой дом содержать без помощи – это сложно. А вот с обедом, если он не парадный с кучей званных гостей, можно было обойтись и без посторонних рук. «Что это за глупый обычай: есть, когда за твоей спиной стоят люди и смотрят тебе и другим в рот и в тарелку? Мне этого не понять!» – говаривала она.

Не то чтобы Гленна происходила из какой-нибудь бедной семьи, но всё-таки, помимо волшебников и зрителей волшебного дома, в её семействе были в основном фермеры.

– Да что за секреты? – не выдержал напряжённого молчания Ренай. – Вы такие напряжённые, что между вами чуть воздух не трещит. Скажет мне кто-нибудь, что происходит?

– Ночью приходил вестник от Прапра, – вздохнув, ответила Гленна. – Очередная кандидатура не выдержала и недели.

– Ну, Прапра должна помнить, что даже Имания ей не подошла, – заявил Ренай. – Мия уже замужем и ни за что не придёт. Не думает же она, что ты должна?..

– Она передала, что кандидаток больше нет и что если двери будут закрыты – пути изменятся, – сказала Гленна. – А это очень серьёзно.

– Да ну, серьёзно, – фыркнул Ренай. – Что изменится для нас? Мы-то не маги.

– Мы семья, в которой раньше были зрители дома. Прапра до сих пор ещё... пытается быть смотрительницей. Но нужен кто-то живой. К тому же дом слишком давно не двигается, и это уже само по себе плохо сказывается на путях.

– Магические пути, – заметила Имания, – не могут нарушиться, только сдвинуться. Это так только кажется, что в нашей жизни не присутствует магия. Но если маги перестанут ходить своими путями туда-сюда и если сдвинутся эти пути, то будут последствия. Начнут отказывать артефакты, перестанут работать заклинания. Даже волшебные зелья начнут действовать неправильно. И мир неумолимо изменится.

– Ну не умрёт же он, – снова фыркнул несносный сводный брат. – А хотите, я пойду и стану зрителем? А что? это, наверно, весело. Можно пугать волшебников.

– Я бы не стала вот так запросто пугать волшебников, – строго сказала Имания голосом отменной заучки. – Любой волшебник может превратить тебя в лягушку. Или в паука. Или в мышь! Но самое главное, братец – это что зрители дома всегда женщины. А ты немножко не женщина, и тут уже ничего не поделаешь.

– Я могу даже переодеться, лишь бы вы перестали переживать из-за этой старой развалюхи. Не всё ли равно, где жить? Тем более, если это дом, где всё есть. Живёшь на всём готовеньком, ни от кого не зависишь, постоянно видишь новых людей, они тебе что-то рассказывают... Разве плохо? Там, говорят, полно книг, причем некоторые из них наверняка волшебные, говорящие. Можно читать и даже учиться, и представляете, при этом не надо будет терпеть

нудных домашних учителей. А среди магов наверняка есть красивые магини, да? Волшебницы там всякие, ведьмочки симпатичные... Красота! В общем, я согласен, передайте Прапра!

Беттани слушала молча и с некоторым удивлением. Ренай находил в этом страшном и мучительном для неё наследстве какие-то неожиданно хорошие стороны. Говорящие книги, интересные люди... Он точно говорит о том самом танцующем доме, про который утром рассказывала мачеха?

– Я предложила эту работу не тебе, а Беттани, – заявила Гленна. – Она куда больше подходит, хотя бы потому что она женщина. К тому же, в отличие от тебя, в ней есть ответственность и рассудительность. У тебя я их пока не наблюдаю.

Беттани так и застыла с ложкой у рта.

Ответственность и рассудительность? У неё?

– Я в неё верю, – сказала мачеха искренне: а Беттани ведь всегда слышала, когда в голосах проскальзывали лживые нотки. Так вот, их не было!

– Да она же трусишка и лентяйка! – сказала Имания, удивлённая не меньше Гленны.

И тут Беттани обиделась.

– А ты там и двух месяцев не продержалась, наверно, боялась к зеркалу подойти, – воскликнула она.

Пусть мачеха и говорила, что сам себя смотритель в зеркале видел обычным человеком! А всё же зрячим, наверняка, в такой ситуации боязно увидеть себя чудовищем. Даже если ей, Беттани, это неведомо и она не будет видеть, как от неё, страшной, отшатаются всякие волшебники – ей ведь всё равно будет обидно.

– Не твоё дело, – парировала Имания.

– Мне-то всё равно, – не унималась Беттани, – я уже привыкла, что меня сторонятся. Что изменится? Что здесь я чужая и нелюбимая, что там буду...

– Не надо так, – сказала мачеха с несвойственной ей болью в голосе, – я всегда любила тебя не меньше, чем своих родных детей.

– Она и нас маловато любила, так что радуйся, – подсказал вредный Ренай.

– Если хочешь знать, я пошла только из-за сердца дома, – сердито заявила Имания, – но даже это меня там не сумело задержать. Это только кажется, что всё просто и ты получишь мечту в придачу к этому жуткому наследству! Но нет, не всё просто, а иногда даже не только страшно, но и опасно.

– Не говори глупостей, в доме безопасно, он сам хранит своего смотрителя, – тут же заговорила Гленна.

– Ну да, рассказывай, – фыркнула Имания, – однажды из волшебных дверей вышел целый клан магов-убийц, и я едва отбила у них того, кого они преследовали! Между прочим, мне сломали руку и я вывихнула лодыжку, когда бежала...

– Предположим, лодыжку ты вывихнула сама, а не маги-убийцы постарались, иначе они бы тебе в лучшем случае ногу оторвали, – заметил Ренай. – Матушка, я считаю, что смотрителем надо делать мужчину! И начать новую традицию можно с меня! А Бет слабачка и всё испортит!

– Мы можем дать ей шанс, – возразила Гленна.

– Нет, не можем! Если у меня не получилось – у неё тем более не получится! – заспорила Имания.

– Получится! – закричала Беттани. – У меня всё получится лучше, чем у тебя, потому что... потому что...

Она не знала, чем может аргументировать, но ей очень хотелось как-то доказать, что сумеет за себя постоять. Поэтому девушка метнула фрикадельку из ложки, ориентируясь на голос сводной сестрицы. И спустя полсекунды услышала «ай!» и отчаянное шипение.

– А ну-ка не кидайся едой, Беттани, – тут же сказала мачеха.

– Они меня унижают! – вскричала Беттани.

– Они тебя подбадривают, глупая, – возразила Гленна.

– Она мне прямо в глаз попала своей фрикаделькой! – завопила Имания.

– Отличный бросок, Бет! – вдруг перешёл на сторону Беттани Ренай. – За исполнение желания в сердце дома просто необходимо бороться!

Но мачехе, видимо, надоела перепалка за столом. И она рявкнула:

– Всё, хватит! Давно пора понять, что тебя дразнят, когда хотят, чтобы ты взбодрилась, а не ныла.

Она могла быть очень грубой и даже угрожающей. Беттани привычно притихла, но про себя подумала: кто привык ежедневно терпеть эти семейные стычки, подколки и рявкание Гленны – тому, наверное, и призраки всякие не страшны. Постоянное «подбадривание», может, кому и годилось, но её оно не столько злило, сколько расстраивало. Вот и хорошо, что придётся уехать! Хотя бы пару месяцев пожить без этого!

Поэтому Беттани смяла салфетку, кинула её на стол и встала.

– Я согласна на испытательный срок. А там как пойдёт.

– Ха! – сказал Ренай. – Молодец, Бет. Мам! Ну можно я хотя бы поеду и посмотрю, как она там будет справляться, а? Ей всё равно нужен будет кто-то в помощь.

– Никакой помощи. Няньки, горничные, слуги – все остаются здесь, как и мы, – сказала мачеха строго. – В случае чего, там есть свой дворецкий, есть невидимые слуги... и есть Прапра.

Вредная и склочная Прапра, о которой даже Гленна отзывалась с опаской? Вместо милой нянюшки Джули?! Ничего себе замена!

– Но нянюшка... – пробормотала Беттани. – Она же со мной с малолетства!

У неё тут же исчез весь боевой запал. Бет могла представить себя в гостях у неведомой Прапра без мачехи, отца и прочих – но не без няни. Когда они навещали родственников, нянюшка всегда сопровождала Беттани. Девушка едва не расплакалась – удержало её лишь то, что Ренай начал бы дразниться. А ведь приятно было почувствовать его поддержку!

– Она может привезти тебя в дом и остаться на пару недель, пока ты не освоишься, – утешила мачеха.

Так Беттани согласилась поехать в танцующий дом и тут же об этом пожалела. Однако она не стала говорить, что передумала. Всё-таки какая-никакая гордость у Бет была. Гордость и желание доказать, что она всё же чего-то стоит, хоть и слепая!

И лишь когда обед закончился и все стали расходиться из-за стола, Беттани нагнала Ренай (что было не так-то просто) и взяла его за руку, чтобы он никуда не делся.

– Чего тебе, Бет? – спросил подросток.

– Во-первых, спасибо, что поддержал меня за столом.

– Когда это?

– Когда похвалил мой бросок, – ответила Беттани.

Ренай шёл по дому – явно намереваясь покинуть его. И у самого порога спросил:

– Ты в сад?

– Нет, я...

– А я в сад.

– Подожди, – Беттани крепче сжала руку сводного брата, такую большую, твёрдую – удивительно, насколько мальчик возмужал с последнего раза, когда она его касалась. – Подожди, Ренай. Во-вторых... Что вы говорили про сердце дома и мечту?

– Тю, – сказал Ренай. – А я думал, ты только ради этого и согласилась!

– Ну?

– На словах всё просто, – сводный брат взял Беттани за вторую руку, развернув девушку к себе. – Если ты станешь настоящим смотрителем дома, то тебя, конечно, уже никто не будет

видеть чудовищем. Но это необязательно будет через месяц или два, может и через год произойти, как я слышал. Так вот. Настоящий смотритель сможет увидеть сердце дома, а если у него будет ключ – то у него исполнится заветное желание.

– Ууу, – сказала Беттани, – это уже совсем сказочки. Сердце, ключ, желание...

– Я и говорю: на словах всё просто! Говорят, что кому-то это даже удавалось.

– Да? А в чем тогда сложность-то? В том, чтобы стать настоящей смотрительницей? – спросила Беттани.

– Сложность в том, Бет, что ключ давно потерян или украден. Ещё когда Прапра не была призраком. Собственно, это именно она его и прозевала!

– А откуда ты всё это знаешь?

– Когда очень хочется быть смотрителем – начинаешь изучать вопрос, – сказал Ренай. – Слушай, Бет. Ты же понимаешь, что тебе там не место. Продержись там недельку и просись домой. Смотрителем должен быть я!

Беттани высвободила руки, хотя сама только что задерживала Ренаю на пороге.

– Я думала, всё это ради того, чтобы меня поддержать, – сказала она.

– Я всегда был за тебя. Ты куда лучше других сестёр, хотя дразнить тебя гораздо веселее, – сказал брат. – Кроме того, ты куда красивее всех девушек в округе, но это тебе, конечно, невдомёк. Соседские девчонки все тебе завидуют! Но только вот это дело, оно не по тебе, Бет. Знаешь, что тебе надо? Тебе надо подцепить там мужа, одного из этих волшебников. Хотя бы одно-два свидания в доме... а там пусть уже навевается сюда! Стану смотрителем и буду только рад открывать ему двери.

Он говорил вполне разумные вещи. И таким взрослым, рассудительным тоном. Но Беттани стало неприятно. Как будто она надкусила сочное яблоко, а оно оказалось с подгнившим бочком.

– Спорим, у тебя ничего не выйдет? – спросила она.

– Что? – удивился Ренай.

– Я буду смотрительницей, а ты утрёшься, – заявила Бет, вспоминая, какими словами частенько ругалась на них Гленна. – Хотя бы потому, что смотрители танцующего дома всегда женщины, а не мальчишки!

– Ну, ты... – Ренай, кажется, растерялся.

– Так спорим?

– Спорим, – сказал он. – Если ты станешь смотрительницей, можешь швырнуть в меня фрикаделькой или даже котлетой! А если дом станет моим, то я вылью на тебя кофе!

– Тебе шестнадцать лет или пять?! – возмутилась Беттани. – Тебя матушка вроде бы тоже учит едой не кидаться. Нет, давай спорить серьёзно. На желание. Выигрываю я – ты исполняешь одну мою прихоть, выигрываешь ты – соответственно.

– Ха, – сказал Ренай взволнованно и серьёзно. – Бет... Ты меня вдохновила.

И неожиданно прижался губами к её губам, лишь на краткий миг. Раньше бы непременно получил оплеуху за такое. Ещё чего, целовать сестру в губы! В конце концов, отец у них общий, хоть Ренай и зовёт его «Уоррен», а не «папа»... Но теперь это не имело значения.

Что-то проросло внутри Беттани сегодня – необычное, сильное и как будто ничего общего с нею прежней не имеющее.

Впервые ей захотелось выбраться из дома и принять вызов. От этого чувства Беттани и сама словно сделалась немного сильнее!

К тому же у неё ведь было желание, не так ли? Настоящее, действительно заветное, а главное – обычными способами никак не выполнимое.

ГЛАВА 4. Бетти расстаётся с домом

Спустя неделю от дома семьи Май в Кримствуде медленно, словно пароход, отчалил гружённый фургон, запряжённый двумя крепконогими лошадьми. Следом готовилась выехать небольшая дорожная карета. Беттани не отходила от окна: хотя она и не могла ничего видеть, зато прекрасно слышала. Да и запахи были важны! А пахло, надо сказать, замечательно: разгорающимся летом. Даже примешивающиеся к стойкому аромату цветущего сада запахи лошадей и дёгтя не отпугивали Беттани. Они были частью путешествия и приключения.

В дверь спальни постучали, и Беттани, думая, что это нянюшка спешит напомнить о скором отъезде, нетерпеливо крикнула:

– Я скоро выйду!

Но особое шуршание юбок, лёгкие шаги и едва уловимый земляничным аромат духов дали девушке понять, что пришла вовсе не няня.

– Бетти, – сказала мачеха. – Мы уже обо всём вроде бы переговорили, но...

У Беттани было огромное количество наставлений от Гленны. Она даже не представляла, что может остаться ещё что-то. Сказать по правде, она устала от этого бесконечно ровного голоса, почти лишённого эмоций. Но сейчас она услышала какие-то несвойственные мачехе интонации и насторожилась.

– Я благодарна вам за всё, что вы сделали, матушка, – сказала девушка на всякий случай, ведь отец часто напоминал, что они оба должны благодарить Гленну ежедневно и даже ежечасно. – Мне было... Мне было хорошо в этом доме!

– Я хотела сказать лишь, что ты для меня – ничуть не хуже, чем другие мои дети, – сказала мачеха. – Я старалась воспитывать вас одинаково и не делать между вами различий...

«Я заметила, – едва не сорвалось у Беттани с губ. – Не хуже – но и не лучше, а ведь следовало как-то понять, что я совсем другая! Что со мной надо обращаться иначе!»

Но она этого не сказала, а только нашла руку мачехи и пожалала её.

– Спасибо, матушка.

– Тебе страшно, Бет?

Беттани не знала, что сказать. И на всякий случай ответила, что да – ей было не по себе.

– Ты можешь вернуться, когда захочешь, и я не буду упрекать. Я сама в своё время не справилась, – взволнованно заговорила Гленна. – Ты можешь жить тут, сколько захочешь, и когда нас с Уорреном не станет – всегда найдется кто-то, кто тебе поможет. Ты... Ты даже прямо сейчас или на полдороги можешь передумать и не ехать туда. Да! Всё так! Но если ты поедешь и выдержишь хоть сколько – это сделает тебя сильнее.

– Почему это так важно? – спросила Беттани. – Ведь я девушка, зачем мне быть сильнее?

– Потому что быть сильным и уметь сражаться – полезно для здоровья, – встрял Ренай, который неслышно пробрался следом за Гленной в спальню Бет.

Вообще-то ему это было запрещено. Но раз уж Беттани собиралась покинуть свою комнату на неизвестный срок и тут совсем мало оставалось личного и интимного, да и то отправилось в сундук... То так уж и быть, она решила не сердиться на брата.

– Потому что ты человек, а не мокрица, – сказала мачеха. – Нечего прятаться от всего света, даже если ты его не видишь. Мне бы хотелось, чтобы ты окрепла, стала сильнее... Потому что я люблю тебя.

– И... если я стану сильнее, вы будете любить меня больше, что ли? – выпалила Беттани, обидевшись на «мокрицу».

Однажды Ренай подкинул ей парочку на зубную щётку. А те, медленные, вялые, никуда не спешили уйти! Хорошо ещё, что Беттани давно привыкла ощупывать предметы со всех сторон, прежде чем воспользоваться ими, и не сразу сунула щётку в рот... Мокрицы были противные, гадкие, и как можно было сравнивать её с такими мерзкими существами?!

Но мачеха неожиданно обняла сопротивляющуюся, сердитую Беттани и сказала как никогда ласково:

– Нет, глупая. Я просто тебя люблю. Ты боль моего сердца. Когда я вижу, как ты слаба и беспомощна в этом мире – мне становится не по себе. Как я смогу оставить тебя, если ты всегда будешь такой? Поэтому я хочу, чтобы ты научилась самостоятельности – как Имания и Мия, как Ренай в будущем.

– Я уже самостоятельный, – заявил Ренай, – просто ты не хочешь этого признавать. На мне бремя младшего ребёнка, а из-за твоего инстинкта наседки мне придется терпеть это ещё года два-три!

– А ну брысь, – беззлобно сказала Гленна и еще крепче обняла Беттани. – Ну всё, достаточно, а то я расплачусь.

Сказала – достаточно, но не отпустила. Пришлось Беттани вежливо кашлянуть и пошевелиться в крепких объятиях. В отличие от мачехи, девушка ужасно растрогалась: в носу защекотало, а глаза стали горячими и влажными.

У открытой входной двери ждала Имания. Она сунула Беттани в руку свёрток.

– Вот, держи, – сказала она. – Там магический браслет – потрёшь его как следует – сможешь со мной связаться.

– Зачем? – не поняла Бет.

Со старшей сводной сестрой у неё не было ничего общего. Ренай звал Иманию «учёной крысой», а по словам няни Беттани знала, что сестра обожала вычурные платья, яркий макияж, пышную причёску и длинные ногти, отчего напоминала залетевшую в тёмный лес сказочную птицу. Имания слыла смелой, резкой, во многом подражала Гленне, и у Беттани были все основания не любить сводную сестру.

– Затем, глупая, что я там была и всё знаю. К тому же тебе может понадобиться такая помощь, о которой не каждого попросишь, а я... Зря, что ли, Ренай называет меня «библиотекой на каблуках»?

– Он тебя и похуже зовёт, – сказала Беттани неловко.

Она и так растрогалась из-за прощания с мачехой, а тут ещё это. Все как будто решили изменить её привычное видение семьи и наперебой показывали, какие они хорошие. Хотя и не трудились подбирать слова, говорили, как всегда, с подковыркой и грубовато.

– В общем, это для связи. Браслет магический и тебе поможет. А, и ещё. Прапрабабушка Эмилия, она своеобразный человек... Ну, то есть призрак. Она одновременно и древняя старушка, и вздорная девчонка. В целом, не такая уж она несносная, постарайся найти с ней общий язык. Иначе она по несколько дней не высовывается со своего чердака.

– А она живёт на чердаке?

– А где ещё жить семейному призраку? – засмеялась Имания.

– Ну я не знаю, где живут призраки...

– В общем, гораздо хуже, если она молчит и сидит на чердаке, поверь мне. Лучше пусть вредничает и подшучивает, но крутится на виду. Когда Прапра плохо – весь дом как будто лихорадит.

Беттани не знала, что сказать, просто положила браслет в сумку и пошла по дорожке туда, откуда слышались голоса отца и няни, прощавшихся с Гленной. Мачеха выдавала очередной перечень наставлений, Уоррен поддакивал, няня Джули возражала – всё, как всегда.

– Удачи тебе, Бет! Ты сможешь! – крикнула вслед Имания. – Ты можешь пожелать всё, даже зрение.

Беттани вздрогнула и приостановилась, но тут её позвали, и она поспешила на голос нянюшки.

Даже зрение... Желание стать настоящей смотрительницей от этих слов стало сильнее и крепче.

В карету поместились Уоррен Май, Беттани, няня Джули и сумка с самым личным и необходимым. Вообще-то фургон, уехавший в Танцующий дом, был битком набит всякой всячиной, но всё же кое-что Бет предпочла держать под рукой. Во-первых, капли – без них болели глаза, во-вторых, амулеты «подуй – приложи» из лавки волшебных ценностей. Эти амулеты использовались при различных болях и болезнях, и Беттани умела различать их на ощупь. Всё время такие носить целители из лавки не позволяли, говорили, что это каким-то образом вредит здоровью, и потому надлежало найти нужный амулет, подуть на него, чтобы активировать, и приложить к больному месту. К примеру, большой, овальный шершавый камень в вычурной оправе надо было прикладывать к животу, а маленький продолговатый на цепочке – брать в рот, чтобы перестали болеть зубы. Обычную аптечку с порошками на все случаи жизни Беттани тоже потребовала положить. Каждый вид порошков был завернут по-особому, а ещё на обёртке были написаны назначения, которые легко было прочесть ощупью: буквы, написанные с нажимом на тонкой бумажке, оставили там бороздки.

Помимо «аптечки» Беттани везла в сумке крупный кулон-локет, в котором хранила портрет мамы и её локон. Конечно, она не могла видеть лица матери, нарисованного искусным художником-миниатюристом, но иногда трогала мягкую прядь волос. Нянюшка старательно описывала, какой была мама. Рассказывала про тёмные густые волосы, лёгкие, как пух – как ни укладывай, а непременно выбьются непослушные мягкие прядки, окружая голову женщины ореолом... Рассказывала про выразительные тёмно-серые глаза, похожие на грозовое небо, и про полные, но бледные губы. Беттани с трудом могла вообразить себе мать. Она помнила, что когда-то могла видеть, но с трудом воспроизводила в памяти цвета, образы и очертания. Ей было слишком мало лет, когда болезнь поразила зрение.

И эта же болезнь не пощадила маму.

Даже почти не помня её, Беттани всегда, думая об этом, готова была всплакнуть. И плакала! Но сейчас почему-то не стала. Просто нашарила в сумке локет, зажала в руке, а потом повернулась лицом к окошку. Солнечный свет ласково грел лицо. Лет до пяти Бет ещё различала свет. Иногда, если солнце заглядывало в глаза, она их даже закрывала. Теперь вокруг всегда было одинаково темно. Целитель сказал – это навсегда. Когда даже магия бессильна – поневоле опустишь руки. Иной раз Бетти видела светлые пятна, но её уверяли, что это лишь воображение, не более того.

– Ты уверена, что нам не стоит повернуть? – неожиданно спросил отец.

– Да, – ответила девушка. – Матушка права: пора начинать жить...

Она хотела сказать «жить самостоятельно», но горло отчего-то перехватило, и получилось как-то странно. Но Беттани не стала поправлять себя: ведь всё было сказано правильно.

– Я могу остаться с тобой, – предложил отец. – Дом совсем на отшибе и поблизости нет подходящего жилья, но можно подыскать что-нибудь на окраине города...

– Мне хватит нянюшки, – заверила его Беттани. – А ты нужен в поместье. Дом большой, матушка не справится. Да и Ренай... Он жуткий озорник. Ты ему тоже нужен, как и Гленне! А я освоюсь и потом буду приезжать – ну или вы приезжайте. Матушка может не захотеть, но вы-то с Ренаем...

Уоррен резко, сердито вздохнул. Бет всегда распознавала его эмоции: сейчас он будто хотел что-то сказать, но не решался.

– Па?

– Бет, Ренай не твой брат. Гленна забрала его совсем крошечным у своей сестры, заявившей, что ей, мол, не нужен сын. Была очень некрасивая история. В общем, это не мой сын и не Гленны.

Беттани удивилась, но не очень. И уже была почти готова простить Ренаю поцелуй в губы, но её сейчас занимало не это. Она уже привыкла считать себя единственным неродным и оттого недолюбленным и одиноким ребёнком в этой семье. А тут, оказывается, вон что! А матушка

ведь и правда не делала разницы между детьми. Между родными Мией и Иманией, которые у неё были от прежнего мужа, приёмным Ренаем и Беттани, доставшейся вместе с Уорреном? Выходило, что так и есть.

– Мне казалось, он у Гленны любимчик, – призналась девушка.

– У Гленны нет любимчиков, – возразил Уоррен.

– У неё нет не-любимчиков, – вмешалась нянюшка. – Она всех любит одинаково. Не надо говорить плохо про госпожу Май!

Уоррен промолчал. Сложно было сказать, что он сейчас делает или о чем думает. Но Беттани чувствовала, что ему как-то неловко. Она впервые подумала о том, что отец женился так скоро после смерти мамы. Как слышала Беттани, он два месяца почти не выходил из своей комнаты, оставив хозяйство на слуг, а дочь на Джули. И только Гленна, сама не так давно овдовевшая из-за эпидемии, смогла вдохнуть в Уоррена подобие жизни. Подобие – потому что он до сих пор, кажется, не опомнился от потрясения полностью.

– Па, а ты любишь Гленну? – спросила Беттани.

– А ты?

Девушка задумалась.

– Я не знаю, – ответила она, наконец. – Я всегда думала, что Гленна злая мачеха.

Няня, судя по звуку, всплеснула руками.

– Бетти! – сказала она. – Как можно? Ведь она тебя вырастила, выкормила, воспитала!

– Я всегда думала, что это всё ты, няня, – призналась Беттани. – И теперь не знаю, может, я всё это время ошибалась? Вдруг меня любите не только вы двое? Отец... Я всегда думала, что мы есть друг у друга и больше в целом свете у нас нет никого! Ты всегда так и говорил, но что, если это не так?

Отец молчал, но как-то странно молчал – его молчание тянулось, будто бесконечная нитка, когда разматываешь её, разматываешь, а она всё не кончается. И это было совсем не осуждающее или сердитое молчание, а какое-то виноватое.

У нянюшки, возможно, был ответ. Но и она промолчала, предоставляя воспитаннице подумать над этим вопросом самой.

К дому они подъехали спустя немалое время – по подсчётам Беттани, путь занял часа два или даже больше. Пару раз её укачивало, она дремала или просила остановить карету. Небольшая прогулка – и путь продолжался.

– Вот уже и вечер подступает, – сказала нянюшка, подтверждая мысли своей воспитанницы. – Вы ведь утром назад поедете, господин Май?

– К сожалению, дом не впустит меня, – ответил отец. – Я не волшебник и не принадлежу к роду Лун. И даже не нянюшка наследницы из этого рода, как ты, Джули!

И, сердечно попрощавшись с ними здесь же, возле дома, сел в карету. Ему предстоял долгий и одинокий обратный путь, и при мысли об этом сердце Беттани сжималось.

– Идём, Бетти, – сказала няня. – Пора осмотреть твои новые владения!

ГЛАВА 5. Встреча с Прапра

В доме мачехи, который Беттани давно привыкла считать родным – ведь другого она не помнила! – каждый уголок был изучен. Там легко было ходить, касаясь рукой стены, и девушка передвигалась довольно быстро. Могла даже побежать, правда делала она это осторожно и вытянув перед собой руки.

А здесь она с самого порога потерялась в пространстве. Ей казалось, что вокруг ничего нет, только темнота с белёсыми просветами. Хотя, может, и эти просветы ей только чудились!

– Мне страшно, – призналась Беттани нянюшке Джули, и сама поразилась, как же тоненько прозвучал её голос.

– Не бойся, – ответила няня. – Это хороший дом, светлый, красивый.

– Всё врёт, – внезапно прозвучал чей-то голос, и нянюшка вскрикнула. – Ну, чего орёшь? Тебе разве не сказали, что тут живёт мой призрак? Как она меня называет?

– Кто? – спросила Беттани, догадываясь, что речь о Гленне или же Имании.

Ей тоже было жутковато от голоса, но она не видела, кто говорил – а нянюшка, очевидно, смотрела на пугавшего её призрака.

– Мать твоя или кто она там тебе... Гленна Лун, конечно!

– Гленна Май, – поправила няня, с трудом произнося слова – у неё так явственно стучали зубы, что Беттани сама едва удерживалась, чтобы не трястись.

– Она зовёт вас Прапра, бабушка, – сказала Беттани и присела, придерживая юбку – как её с малолетства учила нянюшка.

– И чего вы дрожите? – спросила прапрабабушка.

– Жутковато здесь, – ответила няня, будто оправдываясь. – Вы уж извините...

– А я ничего не вижу, поэтому... просто волнуюсь. Мне сказали, что это страшный дом, – сказала Беттани.

– Ничуть не страшный, такой большой и светлый, деточка, – снова соврала Джули.

– Здесь темновато, мрачновато и страшновато, а я свечусь жутким зеленоватым светом, как и положено призраку, – самодовольно заявила Прапра. – Ну? Чего встали? Ваши вещи уже давно разгружены. Идёмте, я покажу вам свои владения. Не терпится небось всё увидеть?

– Вообще-то нет, – сказала Беттани. – Я ничего не вижу. Понимаете, бабушка? Я незрячая.

Прапра издала какой-то очень уж резкий и противный звук – возможно, смешок.

– Незрячих смотрительниц не бывает, – изрекла она. – Ты не притворяешься, часом? Твоя сестрица или кто она там притворялась, что у нее сломана нога. Или рука? Даже заставила отправить её домой!

– Она сломала кисть и вывихнула лодыжку, когда убегала от магов-убийц, – вступилась за Иманию Беттани.

Кто бы мог подумать, что она будет защищать нелюбимую и неродную сестру?! Но Беттани не могла забыть, как хорошо они попрощались этим утром.

– А ты даже убежать не сможешь, – сказала Прапра, и Беттани ощутила холодный ветерок, который овеял её вокруг плеч и головы.

Видимо, Прапра облетела девушку по кругу, чтобы разглядеть со всех сторон.

– Ты не поворачиваешь головы и не следишь за мной глазами, ты и правду незрячая, – медленно проговорила она. – Нда... До чего докатились, уже слепых девчонок присылают. Неужели во всём свете нет больше смотрительниц из рода Лун?!

– Если и есть, госпожа Лун, то вы их уже всех распугали. У вас дурная репутация, – сказала нянюшка, и её голос уже почти не дрожал.

Но только почти!

Всё-таки Джули вряд ли каждый день видела призраков. Даже если она была о них наслышана больше, чем Беттани – слушать рассказы других и смотреть, как кружит по дому настоящее привидение, это совсем разные вещи!

– Да, у меня есть определённая репутация, и я её не в один год нажила! – хвастливо заявила Прапра. – Эмилия Лун – это вам не какая-нибудь там Вейлиза, Роузи или, к примеру, Гленна! А вы чем похвалитесь?

– Ничем, – ответила Беттани в надежде уйти от стычки, в которую её втягивали.

Как и в случае с Ренаем или Мией, это ей удавалось далеко не всегда, но попытаться-то можно! Однако няня Джули уже по привычке взяла инициативу в свои руки.

– Мы можем похвастаться чувством такта, которого вам недостает, – сказала она с упреком. – Держать гостей на пороге мы бы точно не стали! Госпожа Гленна, к примеру, сразу провожает гостей в столовую или гостиную с камином, чтобы они отдохнули с дороги. Особенно

если сама приглашала их! А вы ведь настойчиво зазывали сюда хоть кого-то, потому что долго без зрителя ваш дом не живёт!

От такой отповеди Эмилия Лун даже поперхнулась приготовленными насмешками.

– Вот, девочка, учись, как надо ставить на место сварливых старух, – сказала она, обращаясь явно к Беттани. – Учись, но не вздумай со мной так разговаривать, или я тебя со свету сживу.

– Я не собиралась, бабушка, – тихо сказала Беттани. – Уже вечер, не так ли? Можно, мы немного отдохнём с дороги, а завтра вы покажете нам дом? Наверняка мы лучше его оценим, если у нас будут свежие силы.

– Смотрите-ка, какая разумница, – задумчиво и в то же время насмешливо ответила Эмилия. – Не надейся, что я тебя буду жалеть: мол, сиротка, да ещё незрячая...

– Я не сиротка, – сказала Беттани. – У меня хорошая семья, у меня есть отец, Гленна, Ренай...

– А то я не знаю, – хмыкнула Прапра. – Ладно. На сегодня, считай, ты от своих обязанностей отвертелась. Я тебя познакомлю только с нашей трапезной да ещё со слугами. Они тебе понравятся: их не видно, не слышно, отличные просто слуги.

– Вас-то видно, госпожа Лун, – заметила няня.

– Это для пущей жути, – зловеще расхохоталась Прапра, и Беттани вдруг поняла, что не слышит в её голосе ни угрозы, ни лжи, только кокетство.

Снова повеяло холодком, но на этот раз он был каким-то деликатным, мягким. То, что слуги были невидимыми, у Беттани не вызывало никаких особых чувств, но когда что-то вроде сквозняка поддержало её под локоть и куда-то повлекло, ей стало жутковато. Рядом ахнула няня.

– Вы бы просто подсказали, куда идти – мы и справились бы, госпожа Лун, – сказала она с упреком.

– Нет уж, пусть девочка привыкает, – сказала Прапра. – Тебе, нянька, тут не положено оставаться – но ладно уж, ради слепой девчонки сделали исключение. Она привыкнет – а ты уедешь.

Голос призрака то чуть удалялся, то приближался, и Беттани с няней шли за ним. Незримый слуга – он же и беззвучный! – направлял и поддерживал. Девушка подумала, что ей бы больше хотелось справляться самой: у неё застыли руки, особенно локти и костяшки пальцев, и теперь ныли от холода.

За свой первый день в танцующем доме Беттани Май сделала несколько небольших наблюдений. Во-первых, незримые слуги были действительно ужасно молчаливые, а поговорить она могла только с Прапра. Та, несмотря на свою грубоватость и резкость, оказалась не такой уж вредной и злой. Хотя, вероятно, пока просто сдерживалась, чтобы праправнучка не удрала на следующий же день. Во-вторых, приближение призрака можно было ощутить по холоду. А няня Джули их видела и всякий раз пугалась! Она потом описала Беттани этих слуг: светящиеся белым или голубым светом силуэты, вовсе не незримые они были, просто прозрачные.

А в-третьих, Беттани поняла, что без няни ей здесь будет плохо: уныло и одиноко. Говорящих книг в доме не оказалось: Прапра сказала, что такие бывают, но придётся просить волшебников их принести. А все, кроме Эмилии, были такие молчуны!

Пригласить в гости собственных родственников Беттани тоже пока не могла: для этого ей было необходимо сначала вступить в полные права. И дело тут не в таинственном ключе от сердца дома, прапрабабушка Эмилия сказала, что считает его утраченным навеки. Просто надо решиться остаться здесь навсегда, чтобы танцующий дом стал не временным обиталищем, а именно домом – вот тогда и можно звать кого-то погостить.

А пока всё тут решала Эмилия Май. Она, по собственным словам, уже устала от всей этой канители – и решила, что потерпит Беттани, даст ей шанс. Однако соглашалась терпеть именно Беттани, а не её отца или брата!

– Иди спать, – велела она сразу после ужина. – Поглядим, как ты для начала справишься с собой. Твоя, ммм... мачеха говорила тебе о том, что дом наделяет смотрительницу одним интересным свойством?

Беттани не поняла, и Прапра пришлось пояснить:

– Про то, что если смотрительница в разладе с собой, пришлые маги видят её в ужасном облике? Каких только чудовищ я не насмотрелась! А всё ведь были сами по себе симпатичные девушки. Ты, конечно, и без этого всего не красавица, да ещё и не видишь – но всё же лучше успокоиться и выспаться, чтоб людей не пугать?

– А вас тоже видели чудовищем, госпожа? – не выдержала Джули.

– Вот смелая у тебя нянька, – цокнула несуществующим языком Эмилия. – И дерзкая. Не будь такой – говорят, мужчины по-прежнему любят покладистых девочек.

– Тогда я не люблю таких мужчин, – неожиданно для себя сказала Беттани. – Если уж мне будет суждено полюбить – то это будет человек, которого всё во мне устроит.

– Ну-ну, сначала полюби, – хмыкнула Прапра. – Только гляди, если твой суженый тебя испугается...

Беттани только тихонько вздохнула. Она понятия не имела, как выглядит. Всё, что она могла – это внимательно исследовать лицо и тело руками, пытаясь сравнить с лицами, которых касалась – отца, няни, Гленны. С теми, кого любила, обнимала, к кому доверчиво прижималась с самого детства... Имания считалась очень симпатичной девушкой, но вот нос, лоб, подбородок у неё были совсем другой формы, чем у Бетти. Как понять – красива ли ты, если твои черты лица настолько отличаются от черт признанной другими красавицы?..

Что ж, Беттани уже давно смирилась с этой сложностью. А когда вспомнила слова Реная, утверждавшего, что она действительно красива и другие ей завидуют, то немного успокоилась. Нянюшка после ужина проводила воспитанницу в её покои, сказала, что устроилась в комнате напротив, и оставила Беттани одну.

Подробный осмотр дома был отложен на завтра – но свою спальню девушка всё же немного исследовала, насколько хватило сил и возможностей. Комната была поделена на три части. Беттани очень понравилась собственно спальня, в которой находилось два больших окна, удобная кровать, маленький диванчик у стены и туалетный столик, а также пара мягких уютных кресел. По правую руку от входа оказалась дверца гардеробной комнатки, в которой Беттани нащупала собственную одежду, аккуратно развешанную совершенно не в том порядке, в котором она привыкла. Было так удобно, когда горничная Энора вешала на одни плечики, например, платье и всё полагавшееся к нему, от нижних юбок и рубашек до маленьких косынок и шляпок, или домашних чепчиков. А рядом ставила туфли или ботинки. То же самое было и с другими комплектами. Здесь же невидимая рука отдельно повесила юбки, отдельно блузки, затем шли платья, в комод стопками лежало бельё, а на невысокой длинной полке стояла обувь. И всё это не давало Беттани ни малейшего представления, как подобрать подходящий определенному случаю комплект.

Придётся завтра просить няню Джули всё устроить так, как делала Энора! Хорошо, что ночная рубашка лежала на кровати, а домашние туфли стояли на полу возле неё.

Слева от входа отыскалась другая дверь, и Беттани с удивлением нашла за ней уборную комнатку, где была круглая ванна и другие приспособления для разных нужд. В доме Гленны туалетных комнат было всего две, и иметь собственную такую девушка никогда даже не мечтала! А здесь, кажется, было не так. Она не знала точно, насколько велик танцующий дом, однако няня сказала, что побольше, чем их особняк. И вполне вероятно, тут много спален с такой вот собственной туалетной комнатой!

Но здесь было немного прохладно, пахло сыростью – не сильно, но отчётливо – и мылом. Исследовав комнату и ощупью найдя умывальник, Беттани кое-как ополоснулась и покинула это место.

Она даже не позвала няню – просто умылась, разделась и легла в постель. Непривычно пахнущее свежестью и жасмином бельё похрустывало, как будто было совсем новым, и девушка сомневалась, что просто так уснёт здесь.

В голову лезли всякие непрошенные мысли, порой очень тягостные, и в конце концов Беттани расплакалась. Ведь уже стало страшно и одиноко! Казалось, что здесь её ждёт вечное заключение, прерываемое разве что бесконечными визитами незнакомых людей, которые входят в одну дверь и выходят в другую. Одиночество и тоска... И никакой надежды, что однажды сердце дома откроется девушке и выполнит её желание!

ГЛАВА 6. Разговор с няней

Беттани плакала и плакала, пока не уснула. И проснулась под утро, потрясённая тем, что видела сны. Ей обычно что-то снилось – но какое-то неясное, смутное: движущиеся пятна и невнятные голоса. Здесь же Беттани увидела невероятное, но во сне она точно знала, что это – настоящее. Она видела небо – ошеломляюще огромную голубую бездну, и знала, что оно именно голубое, видела горячее закатное солнце, окунающееся в море цвета расплавленной меди, и понимала, что это цвет меди... Видела смеющихся людей, куда-то летящих птиц и ещё много такого, для чего не могла подобрать слов и названий.

Вот почему Беттани поднялась с кровати вдохновлённой и словно обновлённой. Возможно, именно это могло считаться отсутствием разлада с собой?

– Няня! – позвала она как можно громче, потому что не знала, где сейчас находится Джули.

Комната напротив... Но Беттани ещё не изучала расстояния между комнатами, ширину и длину коридора и всё такое. Это ещё только предстояло исследовать – и явно было делом небыстрым.

Няня появилась довольно быстро.

– Одеваться, нянюшка, скорее! Нам надо изучать дом! – живо и весело сказала девушка, едва услышав, как Джули шуршит юбками на пороге.

– Жуть пробирает, едва про это подумаю, – вырвалось у нянюшки. – Мало этого тёмного и сырого дома, мало призраков, которые тут на каждом шагу... Так ещё и идти смотреть всё остальное! Меня всё так пугает!

Она вытащила из гардероба какие-то вещи, принялась помогать Беттани и не переставая говорила, что ей плохо спалось и насколько было страшно.

– Ничего, – утешила ее Беттани, – скоро ты сможешь поехать домой. Может быть, я освоюсь даже раньше, чем за две недели. Жаль только, что с твоим отъездом тут будет не с кем поговорить, но, быть может, волшебники...

– Ну, а если они отвратительные люди? Злые и жестокие? – спросила няня.

– Не всем же быть злыми и жестокими, – пожал плечами, ответила Беттани.

– Достаточно, чтобы таким оказался кто-то один, – вздохнула Джули. – Неужели тебе не страшно?

– Мне страшно, – ответила девушка. – Но вспомни, зачем всё это затеяла матушка Гленна! Чтобы я стала самостоятельнее и сильнее. И уж если я такой постепенно сделаюсь, то почему бы не пойти до самого конца? Найти ключ, стать полноправной хозяйкой, загадать заветное желание... Ведь правильно?

– Очень правильно, – сказала няня. – Можно мне остаться в своей спальне? А лучше, давай отсюда уедем...

Беттани тяжело вздохнула. После прошедшей в слезах и сомнениях ночи она бы отослала нянюшку прямо сегодня: к чему оттягивать неизбежное? Но не хотелось обижать свою добрую и милую Джули. Пришлось идти на компромисс:

– Прапра сказала, что дом надо осмотреть! Без тебя мне будет труднее. Но давай подождём две недели, а потом уже решим, уезжать тебе или ты тут привыкнешь. Тогда мы уговорим госпожу Лун, чтобы позволила тебе остаться со мной.

Няня слегка фыркнула, то ли не одобряя такое решение, то ли сомневаясь в милости госпожи Лун.

Когда она причёсывала Беттани, та повернулась лицом к окну, и поняла, что не просто почувствовала тепло солнца. Нет, она увидела чуть более светлое пятно среди привычной чёрной мути, и сказала об этом няне.

– Доктор уже много раз говорил, что тебя обманывают твои чувства, – ответила та. – Тебе просто очень хочется, чтобы так было. Он ведь много раз проверял и говорил, что медицина тут бессильна.

– Но я вижу слабый свет, – уверенно сказала Беттани. – Я верю, что зрение вернётся.

– Никто не запрещает верить, – проворчала няня. – Но только знаешь, когда надежда сперва возрождается, а потом умирает – это очень больно.

Она сказала это так, что стало понятно: няня Джули пережила нечто очень тяжкое. И Беттани сказала:

– Энора не так давно напомнила мне, что у тебя есть семья. Разве это не так? Ты так мало рассказывала о том, что у тебя есть мать, отец, дочь...

Няня как-то очень уж сильно потянула волосы, которые как раз убирала в пучок на затылке. Беттани зашипела сквозь зубы от боли, но ничего не сказала, боясь, что няня отвлечётся и не ответит на вопрос. Но Джули, помолчав, всё-таки сказала:

– Подожди, вот эта шпилька плохо встала... Семья у меня была. Отец и мать воспитали мою дочку почти без моего участия, Бетти.

– Ты...

Беттани вывернулась из заботливых рук, пестовавших её все эти годы. Двадцать один год!

– Когда ты родилась и твои мать с отцом наняли меня – Кlover было шесть, – продолжала няня. – Я тогда ещё часто брала выходные, ведь было кому приглядеть за тобой. Потом... Потом была эпидемия, и твоя мама заболела вместе с тобой. Я как раз была дома, со своей семьёй, и господин Май просто не пустил меня обратно, чтобы я могла ухаживать за вами. Госпожа Май умерла, а ты потеряла зрение, а меня не было рядом!

– Мама и папа думали о том, что ты тоже можешь заболеть, – сказала Беттани. – Заболеть и заразить свою девочку.

– Но мое сердце болело и за неё, и за тебя, – сказала Джули и всхлипнула. – Поэтому я решила как можно реже с тобой расставаться, а моя Кlover, она ведь уже была большая, у неё всё было, и...

Беттани притихла, трогая причёску. Кажется, она была идеальна, как всегда – плотно приглаженные волосы, чтобы ничто не мешалось, тугой пучок на затылке, выпущенная под ним кокетливая волнистая прядка... Наверно, это было красиво. Ей не увидеть и не понять – возможно, никогда не увидеть! Но стоило ли винить в этом самоотверженную и добрую нянюшку Джули? Разумеется, нет! С тем же успехом можно было обвинять весь остальной мир, который тоже бился тогда в лихорадке, вызванной «летучей болезнью».

– То есть ей сейчас двадцать семь, – сказала Беттани. – Когда ты уезжала в свой выходной...

– Это был день, когда она родила сына, чудесного мальчика, – сказала Джули.

И ничего больше не добавила. Очевидно, здесь и был тот тяжёлый момент воскресшей и вновь умершей надежды. Няню не подпустили к внуку – и она, конечно это переживала.

– Ты не должна оставаться здесь, – Беттани наощупь нашла руку няни и прижала её к своей щеке. – Джули, милая. Я выросла, я почти такая же взрослая, как твоя дочь. И очень тебя люблю, очень! Всю жизнь бы провела рядом с тобой, и так страшно, так плохо будет без тебя, но... Разве ты не считаешь, что должна быть рядом с дочерью внуком? Попробуй ещё раз, попробуй вернуться к ним и начать сначала!

Няня зашмыгала носом чаще и сильнее, и Беттани, обняв её, вскоре почувствовала влагу сквозь ткань платья.

– Ты утешала меня всю мою жизнь, – сказала девушка. – Как я была глупа, что никогда не пыталась тебя расспросить... Даже неделю назад, когда ты так резко куда-то уехала, я должна была спросить – как твои дела? Как я была... слепая!

– Тебе было не до того, Бетти, – ответила няня немного гнусавым от слёз голосом. – Тебе ведь надо было подумать, решиться...

– Ну, вот я и решилась, – сказала Беттани. – Спасибо, спасибо тебе, няня, а теперь идём!

Что у неё теперь творилось на душе! Как она была взволнована! Ничуть не меньше своей любимой нянюшки. Легко сказать умные и тёплые слова, но как расстаться с Джули? Тем не менее Беттани снова и снова напоминала себе о будущей самостоятельности. Следовало помнить и о надеждах Гленны, и о том, что отцу тоже надо как-то жить дальше, и о том, что они с Ренаем всё-таки поспорили... И ещё, конечно же, о сердце дома.

Сердце, к которому пока не было ключа.

ГЛАВА 7. Знакомство с домом

– Ну, готова, наконец-то? – спросила Прапра, едва Беттани и няня вышли из-за стола. – Тогда пошли!

Но, едва няня взяла девушку за руку, чтобы вести её по дому, как Эмилия чуть ли не взвизгнула:

– А ну стоять!

– Так стоять или идти, госпожа Лун? – не выдержала Джули.

– Ей – идти, тебе – стоять! Займись тут чем-нибудь, неужто никакого рукоделия не припасла? Позови слугу, пусть покажет тебе, где библиотека, там всякого добра телега. Хочешь – есть ткацкий станок, хочешь – прялка, хочешь – пальцы и нитки-иголки всякие! А Бетти пускай учится ходить сама.

– Но ей бы освоиться, – оробела няня от такого напора.

– Джули, позволь себе оторваться от девочки! – рявкнула бабуля. – Хватит вот этого! Вам двоим давно пора отдалиться друг от друга. Ты для Бетти даже не мать!

Чуткая Беттани ощутила всю боль, которую сейчас почувствовала няня. И взяла её за руку.

– Вы правы, бабушка, – сказала девушка мягко, хотя ей тоже вдруг захотелось как следует рявкнуть. – Нам пора отдалиться, но я бы сегодня хотела, чтобы няня тоже всё осмотрела. Ей будет это только на пользу! К тому же она потом уедет и будет волноваться оттого, что бросила меня в неведомой опасности... Так вот, пусть сегодня нянюшка пойдёт с нами и увидит, что никаких опасностей здесь нет. Что я под вашей защитой, бабушка.

– Ох ты, лстивая куница! – удивлённо протянула Прапра. – Хитрая! Джули, ну и врушку же ты воспитала! Ужасную врушку!

– Не врушку, а защитницу, – отрезала няня.

– Именно что врушку! Джули ведь была должна знать о доме и смотрителях – ну хотя бы от Гленны или Имании! Да и ты, деточка...

– Они почти ничего и никогда не рассказывали о доме, – сказала Беттани.

– И правильно: я им запретила, – сказала Эмилия, чем-то, судя по голосу, страшно довольная. – Хорошо! Беру свои слова назад: Беттани не ужасная врушка, но всё равно она остаётся хитрой куницей. Ну что встали? Идемте смотреть мои владения... Обе!

Джули и Беттани ничего не оставалось, как пойти за призраком.

– Тут у нас гостевые спальни и прочее, – рассказывала Прапра. – По правую руку все гостевые, в конце – уборная комната, общая. Вытяни руку, считай двери: шесть штук – спальни. Седьмая, там ещё ручка не круглая, а длинная – уже туалетная комната. Запомнишь? Гости бывают нечасто, маги предпочитают просто проходить сквозь нас из двери в дверь. По левую руку – две гостевых, потом прачечная, потом перевязочная.

– Перевязочная? – дуэтом спросили Беттани и няня.

– Обычно маги сами со всем справляются, но бывают нужны бинты и даже гипс для переломов. Не у всех порядок с исцеляющими артефактами или заклинаниями. Некоторые так гордятся тем, что они маги боевые, или еще какие-нибудь... Некроманты, маги крови, всякие стихийники или просто у кого мозги набекрень – тьфу. Лучше бы умели свои переломы как следует сращивать. А то бывают целители, которые себя не умеют врачевать, только других. Ну кто такое придумал? В общем, тут перевязочная, и всё тут. Смотреть будете?

– Я бы заглянула, – сказала Джули. – И что, смотрительница должна помогать раненым?

– Да ну, зачем, – на Беттани резко повеяло холодком, и девушка решила, что призрак Прапра сердито заколыхался. – На это есть слуги. Незримые, незаменимые и умелые.

– А можно мне немного научиться... Перевязывать? – спросила Беттани.

– Это ещё для чего? – удивились и няня, и Эмилия.

– Просто подумала, что полезно было бы уметь. Для этого глаза ведь не очень нужны, даже хорошо, если я не буду видеть рану.

– Наощупь, что ли, будешь бинтовать? А если пулю вытащить? А если рану зашить – правильно сумеешь ли? – сердито заспорила Прапра, но потом внезапно изменила тон. – Ладно, поглядим. Может, что-то простенькое и сумеешь! Идём дальше!

Они обошли целых три этажа – правое крыло, левое крыло, винтовая лестница в какую-то круглую башню. Здесь не стали задерживаться, Прапра лишь пробурчала: «Это механизм. Все равно не работает!»

В коридорах пахло старым домом, но не плесенью и тленом – нет, запах был уютный. У бабушки Саймы, матери отца, в домике на берегу ручья тоже царили такие ароматы – чистоты, уюта и покоя. Иногда, пока Прапра вела Бетти и её нянюшку по коридорам, девушке казалось, что она слышит какие-то таинственные звуки – то хихиканье, то топот босых ног. И запахи порой немного менялись: повеет то свежестью, то ароматом свежих булочек, хотя до кухни, по уверениям Эмилии, было далеко, то свежеспиленной древесиной.

Но волшебных дверей нигде пока так и не было!

Обошли весь дом. Кажется, не побывали только на чердаке и в подвале: Эмилия сказала, что туда девушке соваться всё равно нечего. У Беттани страшно устали ноги. И, наконец, когда она чуть было уже не начала ныть, как маленькая, и требовать показать ей волшебные двери, Прапра сказала:

– А! Сегодня они вот где! Ну что ж, с первого дня показались. Видимо, есть в тебе, Бетти, что-то такое. Сестрица-то твоя, или кто она тебе там – ждала ведь целых три дня, покуда двери не нашлись!

Голос у Эмилии был довольный.

– Вот они, – холодная рука призрака потянула Беттани куда-то вперёд.

Причем девушка помнила, что они уже тут проходили – танцевальный зал и рядом диванная, где, как сказала Прапра, можно было курить, но никто не курил... Наугад протянув руку Беттани даже думала нащупать самую обычную окрашенную стенку.

И услышала стук.

С той стороны, где должна была находиться стена, а за ней диванная комната, кто-то стучал, кажется, деревянной палкой. А может, волшебным посохом? Сердце девушки забилося сильно-сильно: вот оно! Это же оно, настоящее волшебство! О котором она слушала столько сказок – голосом няни или отца, конечно же...

– Двери всегда появляются там, где меньше всего ждёшь. А иногда не ждёшь вовсе. Слышишь стук – бегом бежишь, ищешь дверь и открываешь, – поучала Прапра.

– Хорошо, бабушка, – сказала Беттани, – но где же ключ?

– Да протяни ты руку, – застонала бабуля.

Девушка послушалась и нащупала дверную ручку: металлическую, чуть шершавую, прохладную... удивительно приятную такую ручку. Как будто родную! И самую обычную – скобочкой. За такую удобно братья, за неё легко тянуть на себя.

Вот так Беттани впервые открыла волшебную дверь перед магом, совсем забыв о том, что зритель может предстать в пугающем облике. И, услышав крик ужаса, от неожиданности закричала сама.

ГЛАВА 8. Первый волшебник

Нет, всё, конечно, прошло не так уж плохо. Просто волшебник оказался новичком – юным, впечатлительным. Пришлось няне Джули отпаивать его тёплым молоком, пока не прошла икота. Беттани страдала, плакала – но, кажется, от этого магу становилось только хуже, потому что он пугался каждого всхлипа. Няня потом сказала, что выглядела Бетти не так уж страшно, «только голосок уж больно хриплый был!» – из чего девушка сделала вывод, что чудовище из неё получилось жуткое.

А уж как хохотала Прапра! Волшебнику же явно не нравилась компания чудовища и призрака, и он спрашивал, когда его отпустят.

Его и не держали вовсе. Всё было не очень волшебно. Как оказалось, появлялась не просто одна какая-то неуловимая дверь! Появлялся целый проход, по которому маг мог попасть из одного мира в другой, очень быстро и относительно безопасно. Но только делать это надо было сразу. Потому что не зря, оказывается, прапрабабушка говорила «волшебные двери», именно так, во множественном числе. Открываешь одну дверь, волшебник в неё входит. А потом открывается вторая, сама по себе, и ждёт, пока человек выйдет.

Не успел – жди теперь, пока появятся новые двери, и ведь при этом не факт, что они будут вести туда, куда тебе надо.

– Вот так-то, мой мальчик, – ворчливо проговорила Прапра.

Судя по злым холодным вихрям, она летала кругами над ними тремя: няней, молодым магом и Беттани.

– А разве с-зритель... не может открыть мне дверь? – спросил «мальчик».

– Ну так-то, конечно, может, – сказала Эмилия, – но у неё пока для этого опыта не хватит.

– Могу? – удивилась Беттани. – И именно туда, куда ему надо?

Сама свой голос она слышала как обычно, но вот паренек испугался, задышал прерывисто, будто куда-то уже мысленно бежал. И Бетти поняла, что обижена. Ишь, трус какой!

– Можешь, но не умеешь, – сказала Прапра теперь уже своей праправнучке. – Надо учиться. Ничего, у нас это не впервые, ничего особенного. Пообедает, а может, и поужинает с нами, тут и поспать есть где. Не пропадёт!

Няня Джули сказала:

– И не бойся мою воспитанницу. Она вовсе не страшная, ну!

Маг заёрзал на месте, но всё же спросил:

– У него... неё... Вы её воспитываете? Всё время?

– Почти с самого рождения, – заверила паренька няня. – Ну же, глупый, приди в себя поскорее! Разве ты мало слышал про волшебные двери, через которые начал ходить?

– Я, я... Я слышал! – сказал волшебник. – В нашей академии рассказывали про то, как ходить между мирами. Но мы ещё не сдавали зачёт, а я пока нашёл книгу и решил сам. В книге сказано, что смотрительницы на самом деле вовсе не чудовища, что это всё сказки, а на самом деле они красавицы. Хотел посмотреть!

– На самом деле она и правда красавица, а ты балбес, – высказалась Прапра. – Ладно, чего мы тут расселись посреди коридора? У нас есть куча отличных комнат: гостиные, столовые, диванные и спальни. Тебе столовую или сразу запрёшься в спальне, чтоб ни одно чудовище тебя не достало, мальчик?

– А я... А я, можно, сначала в туалет? – робко спросил юноша.

И Беттани окончательно разочаровалась в «своем первом волшебнике».

Спустя несколько часов, когда няня уже помогала уставшей девушке раздеваться перед сном, откуда-то раздался стук. Довольно громкий! Беттани встрепелась и схватила няню за руку.

– Я попробую сама! – азартно сказала девушка.

– Стой, глупая, ты куда в одной рубашке?! – всполошилась Джули. – Хоть платье надень!

Но Беттани ощупью схватила со стула лёгкий халатик, накинула его поверх ночной рубашки и босиком кинулась вон из комнаты. Платье?! Да какая разница, если эти глупые противные волшебники всё равно видят её волосатым чудовищем с клыкастой пастью?! Может, монстр в пеньюаре им покажется даже более сносным, уютным и домашним, чем в строгом платье.

Дверь Беттани нашла быстро: стук раздавался громкий, сильный, уверенный, а главное – он всё повторялся и повторялся. На него побежала не только смотрительница, но и юный волшебник: она довольно скоро услышала за спиной топот его ног, обутых в тяжёлую обувь, и пыхтящее дыхание.

Как оказалось, он последовал за смотрительницей вовсе не зря. Когда Беттани открыла дверь, юноша тут же закричал:

– Учитель Тамон! Как я рад, что нашёл вас!

– Нашёл, – не удержалась Беттани. – Ох... простите, здравствуйте, я вас не вижу, но вы проходите.

– Спасибо тебе, – прозвучал приятный мужской голос. – Очень рад, что у дома теперь такая симпатичная смотрительница! Ну а ты, олух, чего стоишь? Идём скорее, там твои родители скоро всю академию разнесут!

Повеяло тёплым воздухом, пахло знакомым и очень мужским ароматом, и Беттани только и успела, что развернуться к другой двери, открывшейся перед мужчиной. Она-то теперь знала, что там есть дверь... Из неё слегка сквозило. И оба волшебника туда шагнули.

– Скажи ей спасибо, дурень, – ворчливо заметил учитель Тамон. – И до свидания!

– До... свидания! – крикнула вслед им Беттани, ориентируясь на звуки и запахи.

– Пока, чудовище! – радостно вякнул студент, и дверь захлопнулась.

Но Беттани успела услышать:

– Ив, ты дурак? Не обижай смотрительницу, орясина! Тебе через эти двери ещё сколько ходить?

Вот так! Интересно, этот маг, учитель или кто он там, он на самом деле видел её, Беттани, как симпатичную девушку, или сказал это из вежливости? Но всё равно слышать его слова было куда приятнее, чем «пока, чудовище!»

А ещё, пожалуй, у него был хороший голос, такой низкий, красивый. Пусть интонации и снисходительные, а потом и строгие – а всё-таки не злые.

– Тебе будет интересно, что за люди ходят здесь туда-сюда, – раздался совсем рядом голос Прапра. – Но не бери в голову. Они никогда не остаются. Сколько уж сердец так разбилось у бедняжек-смотрительниц – не пересчитать! Ещё когда дом мог ходить между мирами сам, было

как-то полегче: они ещё могли встречаться время от времени. Но теперь-то всё, он остался на месте и неизвестно, сдвинется ли снова...

– Вы потеряли ключ в одном из миров, бабушка? – вежливо спросила Беттани.

– Его украли, – ответила Эмилия. – Ума только не приложу, зачем кому-то ключ без замка. А замок ведь остался здесь.

– Это в той башне, где механизм? – спросила Беттани.

– Иди-ка ты спать, – проворчала Прапра. – А то лапы застудишь – шерсть повывпадает.

– Нет у меня никакой шерсти на лапах, – вздохнув, сказала Беттани. – Бабушка...

– Чего ещё?

– Я не такая, как Имания или Гленна. Я слышу, что вы не злая.

– Спать, говорю, иди, – фыркнула Прапра. – Тут ведь как: надо всегда держать в уме, что двери могут открываться в любой момент. В любой, понимаешь? Поэтому надо постараться выспаться, пока есть возможность. Ты дорогу-то найдёшь?

– Не знаю, – ответила Беттани, но тут появилась Джули и помогла ей.

Впрочем, девушка уже поняла, что начинает осваиваться в доме. И ей даже начинает здесь нравиться.

ГЛАВА 9. Новый друг

– Имания, – потеряв браслет, как учила сестра, Беттани почти прижала его к губам.

Она уже легла в кровать, в распахнутое окно слышались голоса ночных птиц – соловьёв, пеночек, камышовок и ещё кого-то. И очень хотелось поделиться с Иманией переживаниями непростого дня.

– Бет?! Как ты поняла, что надо связаться со мной? – почти сразу откликнулась Имания.

– Я как раз хотела сама с тобой поговорить, вот уже браслет приготовила.

У сестры был какой-то необычный голос, и говорила она быстро, будто волнуясь.

– А что случилось? – спросила Беттани.

– Скажи, ты приглашала к себе Реная? Не говорила Прапра, что она может выпустить его?

– Реная? – удивилась Бетти. – Почему Реная? Он разве не остался дома?

– О... понятно. А как у тебя дела? Ты уже хочешь обратно, да? Прапра слишком невыносима?

– Нет, у меня всё хорошо, – сказала Беттани, – я сегодня впервые открыла дверь. И там был волшебник, довольно-таки молодой, а потом за ним пришёл ещё и учитель... Так что насчёт Реная?

– Всё хорошо? – недоверчиво переспросила Имания. – У тебя? Это... Это хорошо.

– Имания, что у вас происходит? – спросила Беттани. – Я никогда не слышала, чтобы ты разговаривала так странно. Ты встревожена?

– Ренай пропал. Точнее, сбежал из дома. Отец целый день рыскал по округе, а завтра хочет ехать к тебе. Думает, что Ренай мог уйти в танцующий дом. Слушай, если он появится, тебе придётся просить Прапра выпустить его. Иначе он останется ночевать на улице.

– Ну, может, и пусть бы ночевал, раз такой своевольный, – сказала Беттани. – Ладно-ладно, если он появится... Слушай, а если нет?

Имания всхлипнула.

– Тогда я ему уши оторву, – вскричала она. – Ты бы видела, как расстроилась мама!

– Передай матушке, что я обязательно скажу прапрабабушке, чтобы его пустили, – тут же сказала Бетти. – Пусть не волнуется. Он и правда может сюда прийти, вбил себе в голову, что хочет быть зрителем.

– Он тебе ничего такого не говорил?

– Ещё как говорил! – сказала Беттани. – Мы с ним даже поспорили.

И задумалась.

– Знаешь, Имания, – подумав, произнесла она, – а ведь Ренай может пойти куда угодно, не только сюда. Он, я думаю, решил найти ключ.

Имания только застонала:

– Ну не дурак?!

– Не знаю, – протянула Беттани. – Но если он найдёт – это же... Это будет просто чудесно! Ведь сама я ни за что не смогу.

– Бет! Ему шестнадцать, он ещё ребёнок! – вскричала сестра.

– Да, – согласилась Бетти, – ребёнок. Но я знаю, что он, хоть не воин и не волшебник, умный и храбрый.

– Вот в его уме я как раз очень сомневаюсь, – фыркнула Имания. – Но всё равно спасибо. Теперь мы примерно понимаем, что у него на уме. Но если всё-таки он появится...

– Я попрошу бабушку, чтобы она разрешила ему остаться, пока вы за ним не приедете, – продолжила Беттани.

И, дождавшись, пока Имания с ней спрашивается, легла в кровать.

Сегодняшних впечатлений и переживаний прежней Беттани хватило бы на полгода! Как тут уснёшь? Тем более, что соловей за окном опять начал свои песни – на этот раз в одиночестве.

– Я – чудовище, – сказала Беттани сама себе и с горечью рассмеялась. – Я такое чудовище, что у малолетних волшебников от страха случается расстройство живота.

– Простите, – произнёс неизвестно откуда незнакомый голос, – но только не позволяйте дому и призраку прапрабабушки обманывать вас. Вы не чудовище!

Голос был мужской. Приятный, хоть и не такой, как у учителя Тамона. Но, несмотря на вежливый тон, Беттани всё-таки испугалась и вскрикнула. Но вскрикнула почему-то негромко и тут же зажала ладошкой рот.

– А вы кто? – спросила она шёпотом.

– А я тут случайно, – ответил мужской голос. – Но вообще меня зовут Амэ Дэан.

– Как? – удивилась Беттани. – Чудное имя. Расскажите, кто вы? Волшебник? Вы зашли, когда пришёл тот, второй маг, да?

Но что-то подсказывало ей, что невидимый парень действительно невидим, как незримые слуги. Вернее, не «что-то», а целый ряд признаков. Во-первых, она не слышала ни дыхания, ни шорохов – а живой человек, даже если стоит неподвижно, издаёт какие-никакие звуки. Во-вторых, не было и запахов. То есть от постели пахло лавандой, а из окна – распускающейся сиренью... а человеком не пахло.

Но и холода, как от призраков, тоже не было.

Беттани протянула руку.

– Где же вы?

И встретила лишь тугую струю воздуха, как если бы кто-то выдохнул навстречу – сильно и резко. Воздух был слегка тёплым.

– Меня в некотором смысле... нет, – сказал Амэ Дэан. – Видите ли, я тут по ошибке, и никак не могу объяснить это здешним призрачным обитателям. Быть может, мне поможете вы, прелестная Беттани Май?

– Не помню, чтобы я представлялась, – из губ Беттани вырвался нервный смешок.

– Но я здесь уже два дня, и я слышал, как вас зовут. Ваша прапрабабушка считает, что меня прислало агентство от призрачной школы, и что я тут по ошибке. Но если меня всё же выгонят – то я, скорее всего, развеюсь.

– А как вы тут оказались? – полная любопытства, спросила Беттани.

– Ах, милая Беттани Май! Если бы я мог знать! Всё, что я помню – это что я поцеловал ведьму...

– Ведьму! – от любопытства Беттани окончательно забыла страх. – Ты встретил злую ведьму и поцеловал её?!

– Я же не знал, что она злая... А мы, значит, уже на ты?

– Ой, извините...

– Нет, ничего, – сказал Амэ. – Думаю, что мы примерно сверстники.

– Да? Мне двадцать один, а вам... Тебе?

– Мне двадцать два, – сказал Амэ, – и я даже не волшебник. Я был бродячим поэтом и...

– И поцеловал ведьму! А потом ничего не помнишь? – Беттани было так интересно, что и усталость отступила вслед за страхом.

– Помню, что она расхохоталась и сказала что-то, но... Но вот что именно – я позабыл. А зря: видимо, это были условия, на которых я бы мог отсюда выйти.

Тут Амэ помолчал и добавил:

– Теперь, когда я познакомился с тобой, мне даже немного меньше хочется на свободу. Если б только знать, что с моим телом! Где оно там, в плену у ведьмы или уже зарыто в землю?

– И ты не пытался выяснить? Может быть, напрасно ты боишься, что развеешься, едва окажешься вне дома. Может, твоё тело как раз только этого и ждёт? – предположила Беттани.

– Если б я знал, Беттани Май! Но знаешь, мне пора. Призрачный дворецкий перед сном пересчитывает слуг и даёт задания на завтра. Особенно тем, кто как я – не имеет каких-то особенных, постоянных дел. Но я буду приходить к тебе как можно чаще.

– Да, пожалуйста, приходи, – попросила Беттани. – Так здорово, когда есть с кем поговорить! Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Беттани, – пожелал Амэ.

Так у Беттани совершенно неожиданно появился друг, с которым можно было побеседовать.

ГЛАВА 10. Учитель Митчелл Тамон

В пока ещё не танцующем доме Беттани провела целую неделю, прежде чем освоилась с расположением комнат, залов, коридоров и кладовых. Это занятие было само по себе захватывающее, интересное. Но ещё лучше оказалось потихоньку от Прапра осваивать дом в компании Амэ Дэана. Он был настоящим кладом! Более того: он теперь был глазами Беттани.

– У тебя нет зрения, зато есть всё остальное, – говаривал Амэ, – тогда как я могу видеть и описывать!

Так Беттани стала представлять, что действительно видит! Кое-что она, конечно же, помнила из своего раннего зрячего детства. Ведь видела же она когда-то и зелёную траву, и рыжее закатное солнышко, и синее небо! Видела серебристые нити дождей и белую гладь снега, сплошь затканную искрами. И теперь вспоминала – во многом благодаря красочным и поэтичным описаниям Амэ.

За всю эту неделю девушка ни разу не открывала дверей, как нежданно-негаданно в разгар тёплого летнего дня, гуляя в небольшом палисаднике возле дома, услышала настойчивый стук.

Откуда он доносился? Беттани не знала! Она не понимала, куда бежать, тогда как в прошлый раз легко отыскала волшебные двери. Теперь же девушка заметалась, закружилась на месте, но всё-таки сообразила, что снаружи никаких дверей нет. И побежала в дом.

– Бетти? – окликнула её няня.

Но Беттани было не до неё. Чуть не плача, волнуясь за человека, который стучал, она понеслась вверх по лестнице, на звук, и впопыхах пролетела мимо места, где стучали.

Пришлось вернуться на один лестничный пролёт и здесь, на небольшой площадке, найти, наконец, то что искала. Мысленно Бетти ругала и кляла себя, и переживала: а вдруг магу с той стороны нужна была помощь? И поэтому не удивилась, услышав женский голос:

– Ой, страсть.

– Доброго дня, а вы волшебница? – забыв о том, что её могут видеть ужасным чудовищем, спросила Беттани.

– А вы чудовище? – вежливо спросили её в ответ. – Мне зачёт надо сдать! Открыть дверь, выйти в мир Арддокс и вернуться тем же путём.

– Вы не успеете, – сказала Бетти, – так что вам придётся открыть дверь заново.

– Спасибо, попробую. До свидания!

И волшебница прошла мимо Беттани в чужой мир со странным названием. Оставалось только дожидаться её обратно. Но зачем же Бетти не спросила, как скоро эта девушка собирается вернуться?! Спустя три дня, когда волшебными дверями прошло ещё два волшебника – один старенький, его даже пришлось поддерживать под руку, и ещё один студент, Беттани всерьёз начала беспокоиться за ту девушку.

– Стой, – сказала она очередному студенту ещё через сутки. – Ты же возвращаешься, да? Ты был здесь некоторое время назад?

– Д-да, – с запинкой ответил паренек. – Пустите, эээ... Простите, я не знаю, как вас зовут, уважаемое чудовище!

– Бетти! – нетерпеливо рявкнула девушка, позабыв, что волшебники не только видят чудовище, но и слышат его: голос её для них звучал устрашающе, так сказала Прапра. – Девушка, которая четыре дня назад ушла в Арддокс – не из вашей магической академии?

– Откуда я знаю, – вырываясь из цепких лап, а на самом деле рук, проворчал студент. – У нас экзамен! Нас много! И в Арддокс ходим, и в Альту, и в Карак этот... как его... Кракродакс...

И уже почти ушёл, но задержался на пороге и заявил:

– Я спрошу у учителя. Как её звали?

– Не знаю, но она ушла в Арддокс ненадолго, а сама так и не появилась, – поспешно крикнула Беттани вслед студенту.

Он успел только сказать «угу», прежде чем дверь захлопнулась. Но почти сразу же Беттани услышала стук. Ей даже показалось, что дверь никуда не исчезала, так близко он прозвучал – но всё-таки пришлось выйти на лестницу и преодолеть целый пролет, прежде чем дверь нашлась.

– Здравствуйте, барышня, – сказал уже знакомый и такой приятный мужской голос. – А вы меня не ждали? А это я!

– Меня зовут Беттани Май, – сказала Беттани смущённо.

– Угу... А меня называют «учитель Тамон». Митчелл Тамон. В общем, я тут всё равно не за этим, барышня. Мне тут вот только что сказали, что вы видели Марсию последней.

– Я её не видела, – вздохнула Беттани, – но она тут была.

– А! Прости. Я забыл, ты не видишь. Кстати, совсем не видишь?

И, судя по звукам и аромату, мужчина откусил яблоко. Сочное, большое. С хрустом прожевал и продолжил как ни в чём не бывало:

– Марсия Лэйт достаточно самостоятельная девушка, чтобы несколько дней проболтаться неизвестно где, но недостаточно взрослая, чтобы мы не беспокоились. К тому же всякое может случиться. Поэтому, прелестная барышня, мы с вами сейчас попытаемся напасть на её след и открыть портал прямо к ней, что бы там с нею не происходило.

– Портал? Вы хотите сказать – волшебную дверь? Я могу открыть её сама?

– Раньше смотрительницы отлично с этим справлялись, – сказал учитель Тамон таким бархатистым и приятным голосом, что Беттани едва не растаяла. – К тому же я неплохо учу именно созданию порталов. Так что почему бы вам не получить урок от хорошего специалиста?

Тут неожиданно в их беседу вмешалась Прапра:

– Ещё чего! Это моя праправнучка, и учу её только я!

– Вы, извините, престарелый призрак, – тут же изящно нахамил Тамон, и Беттани улыбнулась.

Мачеха с её бесконечными наставлениями поучала: «Ты не понимаешь, но люди видят твою улыбку и она может быть им неприятна! Поэтому, если ты не уверена, понравится ли она или её сочтут за насмешку – спрячь, пожалуйста, улыбку веером или хотя бы рукой!»

Вот почему Бетти не просто улыбнулась, а прикрыла лицо ладошкой.

– Рано ей порталы учиться делать! – не сдавалась Эмилия. – Прочь! Ищи свою девчонку сам! Это твоя ответственность, а не ее!

– Это её прямая обязанность, – заупрямился Митчелл Тамон.

– Она ещё неопытная и к тому же незрячая! – выпалила Прапра, и на Беттани ощутимо повеяло холодом.

– А нечего её жалеть, как безногую собачку! – огрызнулся Тамон. – Если дом признал её и сделал смотрительницей, так она должна учиться! А моя ученица должна вернуться и сдать экзамен, иначе у меня будут неприятности.

И пробормотал уже тише:

– А у Марси и так уже неприятности, так что лучше было бы нам поскорее её найти.

– Верно! – уловив паузу в препирательствах, взяла слово Бетти. – Поэтому хватит спорить и давайте скорее ваш урок.

– Но Беттани! – вскричала Эмилия.

– Начинайте, учитель Тамон, – не желая слушать возражений, сказала девушка.

– Хотя бы в малую гостиную идите, чего на лестнице, на сквозняке стоять, – проворчала Прапра. – Как будто не всё равно откуда порталы творить... Пойду пожалуюсь пока.

– На кого и кому? – удивился учитель Тамон.

– На Беттани! Её няньке! Джули, ты где?! – это Прапра уже заорала так громко, что Бетти даже прижала ладони к ушам.

Так, выкликая няню Джули, призрак удалился, а Беттани сказала:

– Идите за мной. В малую гостиную. Хотите перекусить?

– Я бы даже пообедал, – сказал учитель, – но лучше попозже.

Девушка шагнула, пропустила впопыхах ступеньку и чуть не полетела вниз по лестнице.

ГЛАВА 11. Урок

– Осторожнее, – крепкая рука схватила Беттани за плечо и вернула на лестничную площадку.

Девушка пошатнулась, и тогда учитель Тамон слегка её обнял, пробормотав «эй, ты держись!»

От него пахло книгами и еловой хвоей, и ещё чем-то удивительно родным. Почти как от отца.

– Да не волнуйся так, – сказал Тамон грубовато, – подумаешь, неопытная смотрительница! Я вот не слишком опытный преподаватель, а мои студенты так и вовсе раздолбаи. Не все, но большинство!

Прижатая к мужской груди, Беттани поняла, что Митчелл довольно высокий и широкий – не толстый, скорее просто крупный. На секунду он прижал Бетти крепче.

– Никогда не обнимался с чудовищами, а ты? – прошептал он в ухо девушке и отпустил её. – Ну что? Всё? Тебе уже не дурно?

Беттани вовсе не было дурно. Напротив, в какой-то момент от неожиданных объятий ей стало очень даже хорошо. Волнение заставило её почувствовать тепло, особенно в низу живота, и что-то приятно ёкнуло в груди, а щёки и вовсе стали горячими. Зато пальцы на руках, наоборот, почему-то сделались холодными. Обладатель прекрасного голоса оказался ещё и удивительно неплох на ощупь! Но вот слова его девушку отрезвили и слегка огорчили.

– Надеюсь, вам тоже не дурно, Митчелл, – выпалила она, – а то вон ваши ученики иной раз чуть в обморок от меня не падают.

Тамон рассмеялся – не злобно, а скорее радостно.

– О, да ты злючка, барышня! – сказал он.

– Вовсе нет, – отрезала Беттани и, развернувшись к нему спиной, пошла спускаться на первый этаж, в малую гостиную.

Это было уютное помещение, кажется, светлое, и достаточно просторное, там находились низенькие диванчики, мягкие пуфы, ковры с пушистым ворсом, по полу во множестве валялись подушки и пледы. Всё тут располагало к отдыху, и Беттани уже не раз устраивалась тут на ковре, чтобы послушать, как Амэ рассказывает о своих путешествиях. Но сейчас пришлось позвать призрачных слуг и попросить убрать всё с пола, чтобы не мешалось уроку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.